

Нигяр ГЕЗАЛОВА,
доктор исторических наук

Тюркская общность в политической стратегии **НАДИР ШАХА**

Существенным и методологически значимым элементом феномена Надир шаха Афшара является его последовательное обращение к идее тюркской общности в официальной переписке, дипломатической риторике и практике. Данный

аспект прослеживается не только в его отношениях с Османской империей и Великими Моголами (1, 2, 3), но и в контексте военных кампаний и политических инициатив, направленных на пространство Центральной Азии, традиционно вхо-

Надир шах на свадьбе своего сына, Рза-Кули Мирзы (стоит за шахом, справа). Миниатюра из рукописи «Тарихи Надири», 1757 г.

«Надир шах Афшар». Холст, масло. Одна из первых работ в стиле Афшаридов. Середина XVIII века

дившие в сферу тюркской военно-политической организации. Центральноазиатское направление тем самым дополняло **общую стратегию Надир шаха, ориентированную на консолидацию обширного военно-политического ареала**, объединённого не династическими, а социально-военными и культурными факторами.

В переписке с османскими султанами Надир шах систематически выстраивал **аргументацию, опираясь не на конфессиональное родство и не на формальные династические притязания, а на представление о единстве тюркского происхождения** и общей военно-политической культуры правящих элит. Такая риторика позволяла ему позиционировать себя как равного по статусу правителя, вышедшего из той же исторической среды, что и османская династия, и тем самым обосновывать свои притязания на самостоятельную роль в системе международных отношений Востока. Аналогичные приёмы прослеживаются и в его взаимодействии с Могольской империей, где акцент также делался на общность военно-политического происхождения элит, а не на конфессиональные моменты. В этом контексте **апелляция к тюркской общности отражает не только дипломатический рас-**

чёт, но и стремление представить Афшарское государство как центр консолидации широкого тюркского военно-политического пространства. Таким образом, обращение к тюркской общности в политической риторике Надир шаха следует рассматривать как один из элементов его системы легитимации власти и внешнеполитического позиционирования. Использование данного дискурса придавало его военно-политическим действиям дополнительную символическую эффектность и способствовало включению его правления в более широкий контекст тюркского военно-политического пространства Востока XVIII века.

Религиозная политика Надир шаха: конфессиональная терпимость, государственный прагматизм и попытка общеисламского согласия

Религиозная политика Надир шаха Афшара являлась не автономной сферой, а составной частью его государственной и внешнеполитической стратегии, направленной на консолидацию многоэтничного и многоконфессионального пространства. В отличие от Сефевидов, при которых религиозные институты играли важную роль в системе легитимации власти и нередко выступали самостоятельным политическим актором, **Надир стремился вывести религиозную сферу из автономного политического поля и подчинить её задачам государственного управления.** Конфессиональные различия рассматривались им прежде всего как потенциальный

Титульный лист книги «Происхождение, жизнь и деяния персидского монарха Шах Надира». Автор - Питандер фон дер Квелле. Лейпциг, 1738 г. Одна из первых книг, посвященных Надир шаху

Ковер «Надир шах с придворными». 1900 г., шерсть. 206 x 137 см

источник дестабилизации, подлежащий институциональному регулированию, а не как основа политического порядка.

Нормативным выражением данного курса стал фирман, изданный вскоре после Муганского курултая в Азербайджане 4 декабря 1736 г., который фактически закреплял **принцип свободы вероисповедания для всех подданных Афшарского государства независимо от их религиозной принадлежности**. В нём правителям провинций предписывалось не препятствовать христианам, как европейского происхождения (фиранги), так и местным общинам, в

свободном исповедании своей религии, совершении обрядов, а также в ремонте и строительстве церквей и иных культовых сооружений. В отличие от сефевидской модели легитимации, во многом опиравшейся на принцип конфессиональной иерархии в организации власти, **Надир шах последовательно развивал в отношении различных религиозных общин концепцию их правовой общности в рамках единого политического пространства**. В основе этого курса лежала прагматическая государственная логика: ограничивая автономию шариатского права как универсального регулятора общественных отношений, он стремился сформировать модель надрелигиозного правопорядка, подчинённого интересам центральной власти.

В рамках общей стратегии подчинения религиозной сферы задачам государственного управления Надир шах инициировал проект перевода основных священных книг. **Перевод Корана, а также иудейских и христианских сакральных текстов — Торы, Псалмов и Евангелия — на персидский язык носил преимущественно государственно-политический характер**

и был направлен на формирование единой надконфессиональной нормативной основы, пригодной для административного и правового использования. Данная инициатива была обусловлена необходимостью институционального упорядочения многоэтнического и многоконфессионального пространства Афшарского государства и снижения значения религиозных различий как фактора политической дезинтеграции. Практическая реализация этого замысла

«Надир шах Афшар». Гравюра. Художник Чарльз Хит. 1815 год

Надир шах в бою. Миниатюра из рукописи «Тарихи Надири». 1757 г.

ла была оформлена специальным указом 1740 года, на основании которого была создана межконфессиональная комиссия учёных и религиозных деятелей, осуществившая перевод сакральных текстов.

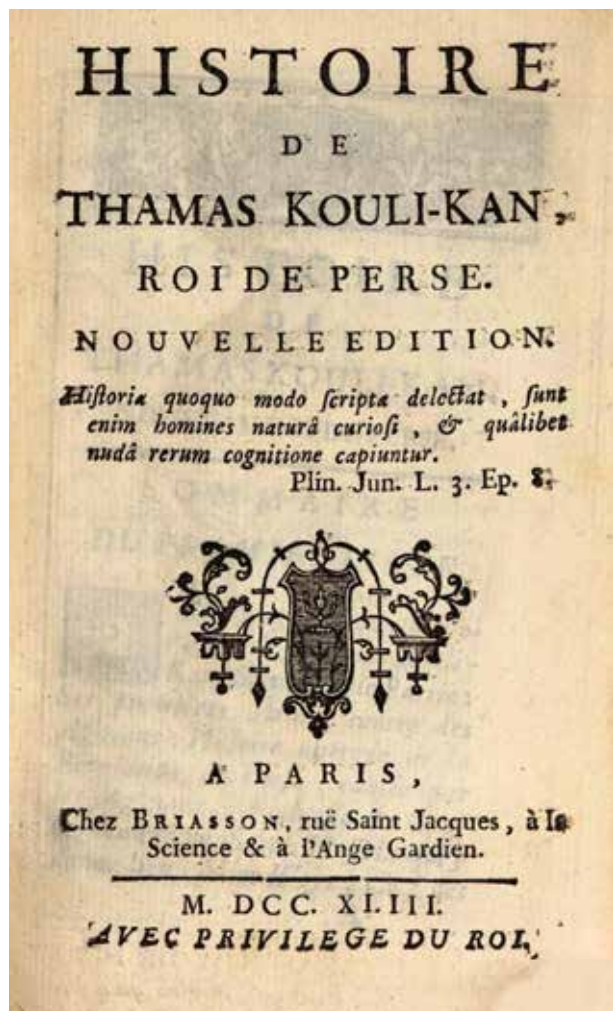
Важнейшим институциональным элементом религиозной политики Надир шаха стала инициатива созыва совещания суннитских и шиитских богословов в Наджафе. Данный шаг был направлен на выработку формулы взаимного признания внутри исламской общины и снижение остроты конфессиональных разногласий. **Надир шах стремился нейтрализовать те религиозные противоречия, которые систематически использовались как инструмент внутривнутриполитической мобилизации и как идеологическое обоснование межгосударственного соперничества. Религиозные инициативы Надир шаха имели при этом отчётливо выраженное внешнеполитическое измерение.** Демонстрация готовности к компромиссу в конфессиональной сфере была адресована прежде всего Османской империи, в отношениях с которой религиозный фактор традиционно служил важным элементом легитимации политического и военного противостояния. Центральным пред-

метом обсуждения в Наджафе стало течение джафаритов, которое Надир шах рассматривал не как богословскую инновацию в строгом смысле, а как возможный идеологический фундамент компромисса между суннитским и шиитским толками. Итогом совещания стало подписание 11 декабря 1743 года документа «*ва-сиге-наме*», составленного Мирзой Мехди ханом Астарабади и заверенного участниками собрания, что придало достигнутым договорённостям формально-правовой характер и зафиксировало попытку институционализации межконфессионального диалога. Данный курс был продиктован прежде всего прагматическими расчётами. Стабилизация отношений с Османской империей должна была обеспечить стратегическую разрядку на

*«Надир Афшар». Гравюра предположительно
выполнена во Франции в начале XIX века*

Титульный лист книги «История Тамаса Кули-хана, короля Персии», посвященная Надир шаху. Автор - Андре де Клостр. Париж, 1743 г.

западных границах государства Афшаров. В этом контексте религиозная политика Надир шаха выступала инструментом перераспределения внешнеполитических приоритетов и расширения стратегического манёвра в условиях нарастающей угрозы со стороны Российской империи. Таким образом, **религиозные реформы Надир шаха следует рассматривать как важный компонент его военно-политического проекта. Они были направлены на снижение конфессиональной напряжённости**, подчинение религиозных институтов государству и создание более гибкой модели управления полиэтническим пространством. Это позволяет рассматривать Надир шаха не как религиозного реформатора в узком смысле, а как военного стратега, интегрировавшего конфессиональную политику в систему обеспечения внешнеполитической и военной устойчивости государства. ❖

Титульный лист книги «Параллель между экспедицией Александра в Индию и завоеванием тех же стран Тахма-Кули-ханом». Автор - Жан-Батист де Бугенвиль. Париж, 1752 г.

Литература

1. Topkapı Sarayı Arşivi şifre E 3299; şifre E 6630; I. Mahmud - Nadir Şah Mektuplaşmaları - 3 Numaralı Nâme-i Hümayûn Defteri (Transkripsiyon/Tıpkıbasım). İstanbul: Başbakanlık Devlet Arşivleri, 2014, s.94-96;
2. Koca Ragıp Mehmed Paşa. Tahkik ve Tevfik (Osmanlı – İran Diplomatik Münasebetlerinde Mezhep Tartışmaları). İstanbul: Kitabevi, 2010, s.25;
3. Uzunçarşılı İ.H. Osmanlı Tarihi, IV cilt, I bölüm, İstanbul, 1982, s.186

This article briefly examines the role and significance of the idea of Turkic unity and the religious-confessional factor in the overall political strategy of Nadir Shah Afshar. It is noted that both factors primarily served as important instruments for Nadir Shah in achieving his foreign policy objectives, including strengthening the position of the Afsharid state as a center of Turkic consolidation and developing relations with neighboring countries. Particular attention is also drawn to his policy of subordinating the religious sphere to state authority and, within this framework, adopting an equal approach toward all religious denominations within the country.